

К Р И Т И К А

К шестидесятилетию поэта

Когда погружаешься в историю культуры нашего города, то не покидает ощущение, что перед тобой огромный ковёр с многоцветным узором: цветущие луга с шелковистой травой, белые берёзы, упирающиеся в облака, сверкающая в изгибе речка... Все нити переплетаются, целоко держат друг друга, и убрать хотя бы один узелок уже невозможно: нарушится рисунок.

Основа литературной истории Коломны выткана во времена “Задонщины” и “Сказания о Мамаевом побоище”. Каждое столетие, каждый год прибавляли новые нити и узелки, создавая неповторимый коломенский узор. И в наши дни продолжается эта кропотливая работа. Наше поколение тоже вплетает в полотно жизни Коломны свой рисунок. Золотой нитью в нём – творчество Олега Кочеткова. Поэт давно вошёл в историю русской литературы. И надеюсь, надолго в ней останется. Такого мастера слова у коломенцев, наверное, ещё не было. И вряд ли скоро появится.

Но чтобы выяснить, что именно и каким образом повлияло на своеобразие таланта Кочеткова, надо заглянуть в истоки его судьбы. Поэт родился в Коломне, но родовые корни его – в Рязанской земле, в деревне с таинственным названием Дулов Луг. И это не простое географическое совпадение. На заре своей истории, на протяжении двух, а то и трёх веков Коломна входила в состав Рязанского княжества. И напевная мощь этого края – не только не чужда нам, она органична и естественна.

В детстве он каждое лето уезжал туда, и этого осеннего воздуха, раздолья ему хватало на всю жизнь. Отсюда – от рязанского детства, от дедовского простора – размах и земное тепло кочетковских строк.

*Я ладонь положил на равнину,
И сквозь кожу пошёл смутный гул...
Долго слушал я песню едуну,
Пока в прясной траве не заснул.
А заснул – так приснилось такое,
Чему имени нет и конца:
Раздвигал я пространство рукою
До забытого ветром крыльца.*

И дальше – удивительно цельный образ

единения земли и неба, когда связующим звеном между ними становится сердце поэта.
*...Я лежал среди притихшей долины,
Окуная лицо в облака.
И лежала рука – на равнине,
А на сердце – другая рука!*

Сам Кочетков признаётся, что ему сложно запомнить свои стихи. И это действительно нелегко – настолько они полновесны – от мыслей и образов. В его строках есть какая-то исконная – державинская – громоздкость. Стихи Кочеткова нельзя пробежать безразлично, так,

Золотая нить Олега Кочеткова

слегка, чтобы “время убить”. Нет, они требуют концентрации, работы мысли.

И если читаешь – тебя захватывает первобытная мощь; в единстве, в слиянии мелодии и слова открываются неожиданные, ранее неведомые пласты смысла.



Стихи Олега Кочеткова – это поэзия искренней, незащищённой души, открытой всем вселенским ветрам. В его строках – боль за родную Россию, тревожная, нелёгкая любовь к женщине, пронзительное ощущение родства с окружаю-

щей и такой близкой ему с самого раннего детства природой. Его стихи невольно наводят на размышления о великом и малом, о мгновенном и вечном...

Самая заветная святыня для Кочеткова – это Россия. Какой пронзительной простотой и любовью веет от таких стихов! Нет, это не просто пейзажная лирика:

*Встану рано сегодня,
И вокруг оглянусь.
Боже, это ведь – Родина!
Ах, ты Мать моя – Русь!*

Беспросветная грусть...

В одной этой щемящей строке – весь много-страдальный путь России. “Беспросветная грусть...”. Здесь – и отзвуки стародавних столетий, и наша нынешняя трагическая неустойчивость, и события сравнительно недавние. Гражданская война получает у Кочеткова

неожиданное осмысление.

О чём думает поэт перед картиной страшно-го поля братоубийственной битвы?

*Да, за веру они и царя
Свои буйные честно сложили!
И погибли, наверное, зря,
Но Отечество крепко любили!*

*...Осуждать никого не берусь,
И ни тех, и ни этих, пожалуй.
Только кто растворит мою грусть,
Хотя срок уже канул немалый?
Так случилось. Вину – не вину...
Лишь одним свою душу спасаю:
Что я дрался б в те страшные дни,
А на чьей стороне вот – не знаю!*

И автору – веришь. В его гражданской лирике заключена правда. Это не позиция профессионального плакальщика, когда румяный и жизнерадостный сочинитель бичует врагов, а на практике с ними отчётливо уживается. У Олега – иначе. В его стихах – настоящая боль, неподдельный патриотизм, когда человек готов отвечать за свои слова и судьбу, и жизнью.

Эта мужественная открытость миру, может быть, – главное достоинство поэта.

*Я открыт, ну а мне на просторе
Всё открыто: и слёзы и смех,
И расцветная радость и горе
Распыленное. Вось я – для всех!*

Читать Кочеткова действительно не просто – он требует по отношению к себе того же усердия и пристального внимания, с каким со-

здаёт свои стихотворения. В его поэзии нет искомётной импровизации: поэт прилежно выстраивает слово за словом, строку за строкой, как овоци на грядке. Эту мудрую неспешность он, может быть, наблюдая крестьянский труд, перенял в детстве у деда, и она прочно вошла в его стиль, манеру.

Иногда мы говорим:



Виктор МЕЛЬНИКОВ

“публицистика” – и неосознанно ставим под сомнение художественные достоинства того или иного произведения.

Происходит инфляция понятия. Но ведь настоящая поэзия, впрочем, как и вся литература, должна быть публицистичной.

*А Родина – это дорога,
Которую гремит стопа.
И запах прогорклого стога,
И дедовская изба.*

*А Родина – это причина
Скупых, набегавших слёз.
Невысказанная кручина
Смеркающихся берёз.*

Мудро и в то же время просто, как сама жизнь. Самое главное – нет подражания. Всё своё, им самим пережитое.

Особая страница кочетковского творчества – стихи о любви. Я много раз задавал себе вопрос: какая энергия питает нас всех, позволяет удерживаться на грани существования? И только в стихах моего друга нашёл я этот ответ. Не каждого она посещает, не каждому удаётся её найти, и всё же человек стремится к ней, ибо такая сущность его природы, извечная надежда. Олег описывает женщину целомудренно, молитвенно, обожествляя, возвышая её...

Я читаю эти стихи бесконечно. Многие из них пересекаются с моей жизненной дорогой. А в других я нахожу то, чего ещё не понял и не осознал. Как какое-то открытие, как исповедь воспринимаю эти строки. Прислушайтесь...

*Попросил подвезти. Он повёз.
И трясло и болтало в кабине.
И он задал вопрос:
“Чего нету в помине?”.*

Усмехнувшись, ответил: “Любви!”.

И я сразу забыл про ухабы.

*.....
И подумал я сразу о той,
О которой устал уже думать.
Тут хоть волком завой,
Ей на это – лишь плюнуть!
Нет, любовь – она всё-таки есть!
Я судьбою за это ручаюсь.
Вот мне ею оказана честь,
Что сижу и терзаюсь,
Что меня её реющий свет
Не оставил в покое.*

*Обоудной вот нет,
Это – дело другое...*

Выход этой книжки приурочен к 60-летию поэта. Этот год будет для него вдвойне юбилейным – ведь его родной город тоже отмечает юбилей – 830 лет. А духовная связь, взаимопроникновение двух юбиларов несомненна: *Ничего я не знаю, что помню,
А что помню – о том не слыхал!
Закачусь я в родную Коломну,
В колыбель моих самых начал!
Да по ветхим пройдуся перулкам,
Вдоль обрыва, над древней рекой.
Где в пустующем сумраке гулко
Разливается зыбкий покой.
Постою пред Успенским собором,
И порывом скользну в долину виска
Грустный воздух Отчизны, в котором
Настоялись века и века!*

*И я, словно причастный к ним тоже,
Что-то смутное в сердце храня,
Вдруг почувствую взбормужавшей кожей –
Как они – сквозь меня, сквозь меня!*

Моему другу шестьдесят... Не берусь подытоживать его жизнь. Да и не время ещё. Человек, достигший такой вершины, сам может дать содеянному и прожитому единственно верную оценку.

Объяснить поэта трудно... Да и нужно ли? Поэт не есть нечто законченное. Он всегда в пути. Выпьем с тобой лучше, дружище, “на пошош” и отправимся дальше, крепко ступая по своей родной земле!

Не дают мне покоя слова одного диссидента: “У меня с советской властью расхождения эстетические”.

Это написал Андрей Синявский. Кажется, на первый взгляд, ничего особенного – тянуло писателя к западным ценностям. После второй мировой войны на советское общество обрушилась эстетика “свободного мира”.

Она поражала некоторых молодых интеллектуалов новизной в организации быта и досуга общества.

Поддавался соблаз-



Валерий СКРИПКО

ну слабый человек...

Но интуиция подсказывала, что причина раздора отдельных творческих людей с любой властью в России лежит где-то в глубинных пластах особого эгоистического мировоззрения определённых слоёв российской интеллигенции... Это не просто – другая эстетика, это – болезнь сознания! И такая серьёзная, что меняет тип самого человека. Был гомосапиенс – стал эгозапиенс! Как минимум два века эта болезнь сознания не даёт нормально жить большинству российского общества, непрерывно превращая умных талантливых людей – в монстров ничем не обузданной “демократии” и злобного “либерализма”.

Известное выражение: о вусах не спорят! – в общении с “монстрами” явно выглядит неуместно. Если “вкус” – разные с детства, если они определяют всю линию судьбы, все дальнейшие шаги гражданина по жизни, то о таких “вусах” – не только спорят, но за них сражаются, не жалея противника.

Это отставание своего духовного пространства, которое складывается из близких каждой противоборствующей стороне форм искусства, стиля поведения, форм общения, из почитаемых культов прошлого. Здесь решается – какой быть стране в целом!

Противоборство имеет давнюю историю. К 1917 году почти полмиллиона российских помещиков окончательно определили свои духовные приоритеты, то есть постоянно проживало за границей. Всем поселившимся в Париже не удавалось. Устраивались – кто где мог.

Князь князя почему-то не догадался соорудить для русских помещиков несколько десятков парижей... но всё же заботливо “освободин” для их потомков, обжевавших из Советской России, десятки и сотни уютных гнёздышек во французских городах.

Пожоже, потомок дворянина – Андрюша Синявский – очень рано начал мечтать о своём гнёздышке среди французских каштанов и виноградников. Он родился в 1925 году в советской Москве. Улицы столицы, как волны цунами от землетрясения, в это неспокойное время загрохотали рабочие и крестьяне, пёстрые толпы из ремесленников, ямщиков и мещан. Сын дворянина смотрит на них настороженно: не его это племя!

Отторжение чужой эстетики и стиля жизни шло у него на уровне подсознания. Синявский пишет: “Мы бегали по лесам и оврагам, разбившись на две партии. Мне всегда хотелось остаться в партии не “казаков”, а “разбойников”. Бывали, однако, охотники бесомненно ходить в “казаках”...”

Этому последнему пристрастию ребят в их компании, скорее всего, удивлялись только один Андрюша. Для остальных ребят – это было так же естественно, как для маленьких американцев играть в индейцев. Но сознание мальчика Андрея явно не обременено исторической памятью о прошлом русского народа. Казаки – конные и пешие, с шашками и пиками – уже не одно столетие мелькали в Москве. Они были частью московского мира, но не частью собственного микромира подрастающего космополита Синявского. Он уже отторгает от себя этот большой мир с непонятными для него казаками, царями и жандармами, с раздражающей светлой и глупыми с его точки зрения попытками наладить какую-то общую жизнь на разумных началах.

“Синявщина” – такой тип сознания, в которое не проникают ценности коллективного духа. Как бензин и воду – их невозможно перемешать. Общество, государство просто не могут увлечь эгоиста “синявщика” ни общим горем, ни общим счастьем, ни общим делом. Ну, например, таким,

Одинокая песня в чужом саду

как сражение за своё отечество, которое так увлекло дворянина Льва Толстого. Его герой Пьер своей могучей грудью вдохнул воздух Бородино, перемешанный с гарью и пороховым дымом, и принял в своё сердце образ каждого русского солдата и офицера... “И всё это моё и всё это я!” – так может сказать только genius, ощутивший себя активной частью единого целого! Такой частью, которая в творческом порыве может вставить в себя всю Вселенную.

“Синявщина” привыкла на все общественные процессы смотреть строго со стороны. Так смотрит на жизнь в СССР и сам

художников, телами любимых женщин, семьёй, своими текстами”.

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

В конце 60-х годов в Москве появилась большая группа художников и музыкантов – неформалов, верных продолжателей дела Андрея Синявского. Они определяли

художников, телами любимых женщин, семьёй, своими текстами”.

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

В конце 60-х годов в Москве появилась большая группа художников и музыкантов – неформалов, верных продолжателей дела Андрея Синявского. Они определяли

художников, телами любимых женщин, семьёй, своими текстами”.

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

В конце 60-х годов в Москве появилась большая группа художников и музыкантов – неформалов, верных продолжателей дела Андрея Синявского. Они определяли

художников, телами любимых женщин, семьёй, своими текстами”.

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

В конце 60-х годов в Москве появилась большая группа художников и музыкантов – неформалов, верных продолжателей дела Андрея Синявского. Они определяли

художников, телами любимых женщин, семьёй, своими текстами”.

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

Вот так и не иначе. Советское общество должно само разобораться со своими проблемами. Требуя формальному неформалу нужна уже сформированная, со всеми удобствами и обширной сферой услуг страна, в которой он будет заниматься любимым делом, не имеющим никакого отношения к этой самой стране и к обществу, среди которого он живёт!

О поэзии Владимира Спектора

*Звезда дороги – за окном,
И свет её – сквозь день и ночь.*

Владимир Спектор

Хочется с этих звёздных, струящихся светом поэзии Владимира Спектора (*Пуланск – Швейцария*) и – попутно – о тех способах, с помощью которых настоящий мастер слова устанавливает крепкую связь между идеей, замыслом и самим актом творения. О

Звезда дороги – за окном...

системе художественных образов.

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему порой самые искренние, трогательные стихи, по которым видно, что автор – человек верующий, образованный, начитанный и хорошо разбирающийся в вопросах церковных, почему-то оставляют в душе смущение и недоумение: о чём он хотел сказать, что пытался выразить? Вроде и столько всего важного затронуто, и эмоций немало, а впечатления – никакого.

В книге Владимира Спектора “Всё это нужно пережить...” (*М., “Вест-Консалтинг”, 2016*) стихи обычно короткие, но всемо, максимум двенадцать строк, но этого хватает, чтобы зоронить в душу свет любви или высветить перед человеком боли и беды дня сегодняшнего, не осмыслив которые, нельзя жить дальше с лёгким сердцем и чистой совестью.

*Готовы оправдать любое зло,
Всё понимающие, светские...*

Мне на таких всегда везло –

И в это время, и в советское.

Понять их, в общем-то, легко:

Своя рубашка дольше носится.

А то, чем пахнет твой покой, –

Так это лишь с потомком спросится...

Не случайно поэт говорит о незавершённости мира (“Незаключённость мира, любви, перемен”). И увидел Бог, что всё, что Он создал, хорошо весьма, сказано в книге Бытия. Но разве в Бытии речь идёт об отношениях между людьми, народами, государствами? Нет, человечеству была сотворена лишь арена для жизни и деятельности, а отношения и законы устанавливали мы сами. И насколько же далеки установленные законы и отношения от библейских нравственных норм, заповеданных нам, если поэт вынужден с горечью восклицать: “Всесильный Бог любви не так уж и всесилен...”, “Как же долго Тот, кто умер и воскрес, / набирает праведные силы...”.

Да, человеческое общество всегда было далеко от идеального, и душа человеческая всегда была полем борьбы между добром и злом, грехом и благодатью. Не сегодня и не вчера началось нравственное запустение и одичание, а мы в погоне за богатством, властью или славой стали расталкивать друг друга локтями, пускать злой наговор и даже всаживать ножи в спины.

*Вхожу, как невидимка, в людскую суету,
Не чувствую обид, не праздна успех,
И рядом чью-то души на солнечном свету,
Сквозь призму дня летя, вяжущу смех и грех.
Меня не замечая, подлец и врёт, и бьёт,
Не ведая, что сам висит на волоске...*

*Сквозь время негодяев ташу судьбу вперёд,
Туда, где благодать незрима вдалеке...*

Как тонко и бережно подбирает и нализывает поэт аллитерации (слова с большой долей звуковых совпадений) “смех и грех”, “и врёт, и бьёт” вместе с совпадениями синтаксическими (похожими по строению фразыми вроде “не чувствую обид, не праздна успех”, “меня не замечая”, “не ведая, что”), т.е. с синтаксическими параллелизмами, чтобы в итоге восьмью строками ярко охарактеризовать время, в которое приходится жить.

Уже один символ-аллегория “время негодяев” кратко и точно даёт оценку времени. И уже одна только метафора (слова и выражения в образном, переносном значении на основе уподобления каких-то отдалённо схожих признаков) – “ташу судьбу вперёд” – вполне достаточна для заявления о своей жизненной позиции. Вчитайтесь: ведь не “судьба меня тащит”, а я “ташу судьбу” (это обратная метафора), и “не надрываюсь”, “со слезами на глазах” и “вздыхая” пытаюсь тащить свой воз судьбы, а “ташу вперёд, туда, где благодать незрима вдалеке”. Видите? Так далека благодать, что ещё даже и не видна (“незрима”), а строка уже дышит ею, и – через неё – заражается упорной верой и жизненной стойкостью сам читатель.

Подскажу: немаловажное значение имеет звучание слов в стихотворении, а у Владимира Спектора здесь буквально всё основано на звучании... света. Т.е. звучании его основных согласных, “с” и “в”. Прочувствуйте: “сквозь”, “вхожу в суету”, “висит на волоске”, “судьбу вперёд”, “на солнечном свету”... Вот отсюда и от одной-единственной обратной метафоры ощущение прозрачности, невесомости, полёта. И это несмотря на “подлецов” и “негодяев” (лексика, в общем-то достаточно хлёсткая). Нет, при умелом использовании слов и образов даже жёсткая лексика иной раз не мешает созданию нужного эффекта и настроения. И от стихотворения действительно веет освобождением и благодатью.

А можно и одним бранным словом – при бедном, сером звучании стиха и отсутствии образов – испор-

тить всё. Даже если в стихотворении будут слышны “ангелы”, “святые”, “колокола” и “покаяния”.

Владимир Спектор, заявляя про “непредсказуемость мозаики судьбы, / где каждый камешек – кровавый” и “где лишь кровь – основа смальты, / скрепляющей судьбу, и правду, и меня”, не преувеличива-



Светлана СКОРИК

ет в погоне за красным словцом. Он – очевидно, свидетель тому кровавому беспределу, в результате которого он, известный инженер, журналист, поэт, книги которого выходили в Киеве и Москве, был вынужден в свои зрелые годы бросить всё и стать человеком вне своей земли, дома и привычных, устойчивых дружеских связей. А ведь это лирический поэт, не журналист-обличитель, он всю жизнь писал только о любви, стремлении к добру, о красоте природы...

Но ненависть, пронизавшая человеческое общество навывлет, не разбирает, кто трибун и боец, а кто глашатай любви, она обращает вчерашнего друга во врага, разобщает идейно и разделяет физически даже семьи, детей и родителей, близких родственников и побратимов, сослуживцев и одноклассников. Выйдя живым из-под “тихого ужаса” обстрелов, “где лишь оскал стабилел”, поэт имеет полное нравственное право свидетельствовать то, что видела его глаза.

*Убивали, стреляли, пытали и вешали
Лишь за то, что – не свой,*

лишь за то, что – чужой.

И плевалас патронами ненависть бешено

В час, когда острабание вела на убой.

В муках корчилась совесть, рыдало отчаянье.

Справедливость терпела удары под дых...

Как сквозь годы,

сквозь смерть прорастало раскаянье.

Только ненависть снова жила в живых.

Это стихотворение – мостик из прошлого, мостик из времени, когда “пытали и вешали” чужие (люди другой нации), в наше время, когда уже и граждан одной страны сглативают между собой: “ненависть снова жила в живых”. И раскаяние за кровавые жертвы гражданской войны тоже ничему нас не научило. Если человек способен переступить через Божий завет “Не убий”, мало того, направить оружие против граждан собственной страны, к тому же не военных, а мирных жителей, даже против стариков и детей, – почему другой человек, который сам бывал в этом чистилище “братской любви” и “единства”, не имеет права вести поэтический дневник нелепой, ненужной, преступной войны, где брат убивает брата?

В этом поэтическом дневнике каждое слово – правда. И каждая строка – вступающая против ненависти любовь. Только любовь, а не вражда и озлобление. И ещё – обратили ли вы внимание, какими средствами поэт достигает такого точного, выключено эффекта свидетельств, при котором и читатель превращается чуть ли не в зрителя, наблюдающего за поэтическим репортажем из пекла? Да, это опять аллегория и олицетворения, когда слово становится символом целого ряда событий и явлений, а абстрактное понятие – живым персонажем: “плевалась патронами ненависть бешено”, “сосрадание вела на убой”, “в муках корчилась совесть, рыдало отчаянье, / справедливость терпела удары под дых”. И опять метафора (“сквозь смерть прорастало раскаянье”), сравнивающая брошенное в землю, похороненное зрнуто, давнее росток, с раскаянием, оживляющим изнутри даже духовно мёртвого, ожесточённого человека.

В стихах Владимира Спектора вообще часто встречаются слова “любовь” и “надежда”. Это именно поэт, т.е. мастер художественного слова, тонко чувствующий и умеющий так же тонко подбирать слова для передачи своих чувств. Но главное, это поэт с истинно библейским, мудрым осмыслением жизни, ибо то, что несёт он нам в своих полных тихого ужаса, истекающих кровью свидетельствах, – всегда любовь, свет, надежда и прощение: “Помочь, понять, найти, простить – / сквозь стук колёс и звёздный свет”, “вдруг согреть светом / далекая прежде звезда”, “Судьбы продолжится полёт / сквозь память и прощенье”. Понимая, как Екклесиаст, что “всё пройдёт”, поэт признаёт: “Надо учиться забывать, / по небу памяти летать / свободно и легко. / Примерно так, как... кленовый лист / или шальной парашютист / над миром и войной”, “забыв, что есть война и страх”.

*Незаконченность мира, любви, перемен,
Неизбыточность, но не обречённость.
Забывая, прощая встающих с колен,
Злобу их обратив во влюблённость.*

*Облака из души воспарят туда,
Где им плыть, небеса украсив,
Где, рождаясь, неизбежно манит звезда,
Обретая законченность рая...*

Незаконченность и неизбыточность не дают ощущение безнадёги, отчаяния, тупика. Потому что манит надежда и греет звезда. Потому что душа должна даже в перерывах между обстрелами парить и мечтать, соединяясь с этой звездой, светом, добром, красотой мира.